

ISBN 978-5-7042-2218-7

Грищенко А.И. Петербургский вейка: к вопросу о возникновении экспрессивных этнонимов на базе слов со значением 'товарищ', 'приятель', 'брат' // Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых: Сб. ст. / Ред. Л.А. Трубина; Сост. И.Г. Минералова. — М.: Издательство «Прометей» МПГУ, 2008. — С. 22-27.

*Грищенко А.И.
(аспирант кафедры русского языка МПГУ)*

**Петербургский вейка: к вопросу
о возникновении экспрессивных этнонимов
на базе слов со значением 'товарищ',
'приятель', 'брат'**

В большинстве языков существует группа экспрессивно-оценочных слов, обозначающих «народы» и отдельных их представителей. Можно рассматривать эти слова как разновидность этнонимов, которые мы условимся называть *экспрессивными этнонимами*.

Довольно часто в основе внутренней формы экспрессивного этнонима лежит воспроизведение той или иной характерной особенности иноязычной речи: редко — фонетической, напр.: *пшек* 'поляк' (10, 182); в основном — частотного слова или выражения, в т. ч. получившего широкое распространение в межэтнической

и/или межъязыковой коммуникации, напр.: рус. жарг. *амор* ‘итальянец’ < итал. *amore*; рус. жарг. *якала* ‘немец’ < нем. *ja*; арханг. *асей* ‘англичанин’ < англ. *I say*; цыган. *ватька* ‘цыгане-лотфы’ < цыган. ‘мол, дескать’; англ. *mounseer* ‘француз’ < франц. *monsieur*; итал. *rigotti* ‘немец’ < нем. *Herrje Gott!* (1, 121-122), рус. жарг. *аллорец*, *аллорник* ‘итальянец’ < итал. *allora* (6, 22), польск. *derdydasy* и *fadry-mutri* ‘немцы’ < нем. *der, die, das* и *Vater, Muter* (16, 121) и т.д.

Среди экспрессивных этнонимов, основанных на воспроизведении или имитации частотных единиц чужого языка, существует особая группа слов, которые в языке-источнике имеют значения ‘брат’, ‘товарищ’ или ‘приятель’, т.е. используются в качестве обращений. Судя по всему, первым из описанных в литературе русских экспрессивных этнонимов такого рода было слово *вэйка*, зафиксированное в «Опыте терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» Владимира Бурнашева, в котором к нему дано такое объяснение: «Словом этим в окрестных с Остзейскими губерниями местах русские мужики именуют маймистов», из чего составители «Словаря русских народных говоров» сделали вывод, что значит оно ‘финн’ (9, 98).

В бодуэновском издании словаря В.И. Даля слово *вэйка* даётся уже с пометой *петерб<ургское>* и толкуется как «извозчик из чухонцев, промышленяющий в Петербурге только во время масленицы» (5, 429), а в словаре Д.Н. Ушакова толкование его несколько расширено: «В старом Петербурге — финн-извозчик с разукрашенной ленточками и бубенцами запряжкой, приезжавший для катанья на масленице»; в статье также содержится этимологическая справка: «финск. *veikko* — друг, товарищ» (13, 241). Что же касается этимологии, то слово *veikko* в разговорном финском значит «1) брат, братец; 2) (в обращении) брат, братец, браток, дружище, приятель; 3) парень» (4, 722). В (12, 124) приводится просторечный вариант *veikka* с одним лишь значением ‘брат’ (15, 1247).

В «Словаре современного русского литературного языка» толкование уже лишено этнографической детали — описания упряжки: «Извозчик-финн, промышленявший в Петербурге во время мас-

леничных гуляний», зато добавлены пометы *доревол<юционное>* и даётся иллюстрация из «Воспоминаний о Ленине» Н.К. Крупской с пометой *распространительно* (12, 124), т.е. применительно «в том же значении, но к более широкому кругу предметов и явлений, чем оно непосредственно относится» (11: XII): «На финских вейках переехали мы из Швеции в Финляндию [в 1917 г.]» (12, 124). В приведённой иллюстрации значение слова расширено до ‘извозчик вообще (не только приехавший в Петербург на Масленицу)’, при этом сохранена этническая принадлежность вейки при помощи определения *финский*. В последнем переиздании «Большого академического словаря русского языка» (2) слово *вейка* по непонятным причинам отсутствует.

«Расширительно» это слово могло обозначать не только финских извозчиков, но и финнов вообще, однако убедительных подтверждений тому в текстах мы не обнаружили, хотя в (9, 98) у слова *вэйка* (один из четырёх омонимов: остальные связаны с рус. глаг. *веять*) первым приводится значение ‘финн’ (проиллюстрированное примером из словаря В. Бурнашева), а значение ‘извозчик-финн’ — на втором месте. Интересно, что рядом можно найти слово *вэйко*, которое в архангельских говорах значит «неопрятный, растрёпанный человек» (запись 1858 г.), а на территории Карельской АССР — «эпитет паука. *В обращении детей к пауку: Павко-вейко, Свей колечко, Дам копейку, Положь в коробейку*» (запись 1933 г.). Очевидно, первое из значений связано с экспрессивным наименованием финнов (ср. *жид* ‘еврей’ → *жид* ‘супец’), а второе — напрямую с финским *veikko*, так что *Павко-вейко* может значить ‘братец паук’.

В случае со словом *вейка* ещё нельзя говорить о полном превращении его в экспрессивный этноним, поскольку в его значении важную роль играет сема ‘извозчик’, т.е. оно обозначает лицо одновременно и по его профессии, и по этнической принадлежности, — в этом случае оно не одиноко: в старой петербургской речи *вейкам* противопоставлялись *ваньки* — как извозчики русского происхождения (ср. также *ванька* ‘(типичный) русский’ (8, 101) с характерным примером из «Зоны» С. Довлатова: «Здесь должны жить эстонцы, — сказал он, уходя, — а ванькам, фрицам и различным гренланам тут не мес-

то»). Слово *в́анька* использовалось и в речи старой Москвы, однако противопоставления *ванек* и *веек* не было из-за отсутствия собственно *веек*. В свою очередь, *ваньки* противопоставлялись также *биржевым извозчикам* (5, 402). В последнем случае «сема этничности» вообще не выражена. Обращает на себя внимание и звуковое подобие слов *в́анька* и *в́ейка*: финн. *veikko* для обозначения извозчика было выбрано также и потому, что оказалось похоже на рус. *ванька*. Кроме того, наименования профессий иногда служат мотивационной базой для образования ЭЭ, напр.: *дегтярник* ‘украинец’ (3, 45 — с примером из «Тихого Дона» М. Шолохова: «— Хохол-мазница, давай с тобой дражниться! Хохол!.. Хохол!.. Дегтярник!.. — верещала детвора, прыгая вокруг мешочных широких шаровар Гетька»), *землеройки* ‘таджики’ (запись автора), англ. *greaser* (досл. ‘кочегар’) ‘мексиканец; латиноамериканец’ (16, 36).

По данным «Национального корпуса русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru/>), одно из первых в литературе упоминаний слова *вейка* в значении, указанном в бодуэновском издании словаря В.И. Даля, содержится в воспоминаниях П.Д. Боборыкина того же времени (1906-1913): «Те же балаганы, катанье на них, вейки-чухонцы, снованье праздного подвыпившего люда», — заметим, также с указанием на этническую принадлежность *веек*. Кроме того, слово встречается в воспоминаниях А.Г. Достоевской (1911-1916), в романе А.И. Пантелеева «Ленька Пантелеев» (1952), в романе «Азеф» (1958) писателя-эмигранта Р.Б. Гуля, а Л.В. Успенский в книге «Записки старого петербуржца» посвящает петербургским масленичным вейкам отдельный очерк, в котором сообщает о них довольно много занимательных сведений: «На козлах вейки или в передке саней, на куче сена, сидел, как клуша, закутанный карьялайнен, в кожаной ушастой “афинской” шапке с меховым шариком наверху, с короткой трубкой в зубах, молчаливый, мрачноватый, сущий угрюмый “пасынок природы” <...> Над вейками посмеивались, о вейках рассказывали всякие пошехонские истории, но веек любили». Из последней фразы приведённой цитаты явствует неравнодушное отношение говорящих как к самим вейкам, так и к слову *вейка* — безусловно, экспрессивному.

После революции, во время гонений на веру и традиционные русские праздники, из городского быта постепенно уходят масленичные гуляния, а с развитием техники оказываются ненужными извозчики — и слово *вейка* остаётся только в памяти людей старшего поколения. В наше время о нём знают только любители старины. Но сама модель именования народов — по слову, означающему в чужом языке ‘приятель’, ‘товарищ’, ‘брат’ — остаётся, более того, начинает играть в нелитературной русской речи особую роль, поскольку в советскую эпоху в качестве общепринятой устанавливается форма обращения *товарищ*. Так, азербайджанское *йолдаш* ‘товарищ’ порождает в советской армии времён Великой Отечественной войны русское просторечное слово *елдаш* ‘представитель одного из коренных народов преимущественно Средней Азии, обычно плохо владеющий русским языком и происходящий из сельской местности’, также азербайджанское *гардаш* ‘брат’ в русской речи жителей Баку начинает употребляться для обозначения азербайджанцев — выходцев из сельской местности, а староузбекское слово *حريف* *harif* ‘приятель’ используется в качестве русского *харып* ‘узбек (преимущественно из сельской местности)’ в речи жителей Ташкента. А уже в наше время собственно русские слова *друг* и *брат* в студенческом жаргоне (прежде всего, в Университете дружбы народов) стали обозначать студента-иностранца из стран Азии, Африки и Латинской Америки (7, 52 и 133). Подобная мотивация может быть обнаружена среди экспрессивных этнонимов и других языков, напр., английское (Австралия) сленговое слово *binghi* ‘австралийский абориген’ происходит из языка аборигенов авабакал (один из воримийских языков семьи пама-ньюнга), в котором *biṅaṅ* значит ‘(старший) брат’ (14, 18).

Судя по всему, рассматривая ряд подобных слов, мы имеем дело с языковой моделью, восходящей к архетипическим представлениям о «семье народов», в которой живут «братья и друзья». Однако эти «братья и друзья» чаще всего оказываются представителями отсталых и нецивилизованных, с точки зрения европейцев, народов, которые вызывают насмешку, пусть даже добрую и граничащую с глубокой симпатией — как в случае с *вейками*.

Литература

1. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. — М.: Индрик, 2007.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 2. М.-СПб.: Наука, 2005.
3. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск / Под ред. А.А. Шумейко — Грайфсвальд, 2004.
4. *Вахрос И., Щербаков А.* Большой финско-русский словарь. — М.: Русский язык, 2002.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Изд. 4-е под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I: А-З — СПб.-М.: Товарищество М.О. Вольф, 1912.
6. *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
7. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии / СПбГУ: Межкаф. словарный кабинет им. Б.А. Ларина. 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
8. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имён. — М.-Донецк: ООО «А Темп», 2006.
9. Словарь русских народных говоров: Вып. 4: В-Военки / Гл. ред. Ф.П. Филин — Л.: Наука, 1969.
10. Словарь русских народных говоров: Вып. 33: Протка-Разлука / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов — СПб.: Наука, 1999.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. / Ин-т русского языка АН СССР. Т. 1: А-Б — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. / Ин-т русского языка АН СССР. Т. 2: В — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I: А-Кюрины — М., 1935.
14. *Ayto J., Simpson J.* Oxford Dictionary of Modern Slang — Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1992.
15. *Nurmi T.* Gummeruksen suuri suomen kielen sanakirja — Jyväskylä: Gummerus, 2004.
16. *Roback A.A.* A Dictionary of international slurs (ethnophaulisms) / With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. 2nd edition, reprint. — Waukesha, Wisc.: Maledicta Press, 1979.